

Вэй Хуань тихо улыбнулась, поправила рукава, обмакнула кисть в тушь и уже собиралась начать переписывать прописи, как вдруг со стороны входа донёлся шум. Шум нарастал, приближаясь, и вот уже ворвался в палаты, словно рой из сотен пчёл. Вэй Хуань с досадой нахмурилась, отложила только что поднятую кисть и поднялась, чтобы встретить гостью у дверей:

— Приветствую принцессу.

— Зови меня Эрнян, — весело вбежала внутрь Ли Тайпин. За ней следом вошли госпожа Ян с четырьмя кормилицами, Сяолан с пятью-шестью служанками и Ван Сюй с восемью евнухами. Одни принялись обмахивать принцессу веерами, другие — снимать туфли, третьи — вытирать пот, кто-то нёс благовония, кто-то — письменные принадлежности, а кто-то просто осыпал её заботливыми вопросами... Огромный зал мгновенно наполнился густым ароматом человеческих тел, от которого Вэй Хуань стало нечем дышать. Тем временем принцесса продолжала:

— Сынян, Сынян, сколько ты уже написала? Матушка прислала ко мне, требует сдать работу.

Вэй Хуань вспомнила о только что прерванном занятии, слегка опустила глаза и ответила:

— Не так много. Уже сто листов.

Она говорила медленно. Услышав первые слова, Ли Тайпин огорчилась, но, дослушав до конца, лицо её вновь прояснилось, а затем на нём появилось смущение:

— Сто листов? Я... я просила тебя написать только двадцать. Это я неясно выразилась? Или ты не так поняла? Не нужно было писать так много.

Вэй Хуань сама ежедневно упражнялась в каллиграфии, выполняя по двадцать листов, и, услышав, что принцесса считает сто листов чрезмерно большим количеством, внутренне усмехнулась, хотя внешне почти не показала этого.

— Всё равно было нечем заняться, вот и потренировалась, — равнодушно ответила она и повернулась, чтобы взять прописи, но вдруг Ли Тайпин схватила её за руку. Удивлённо обернувшись, Вэй Хуань увидела, что та, улыбаясь, тянет её за собой:

— За несколько дней написать сто листов — это, наверное, тяжело? Спасибо тебе большое.

Вэй Хуань, не привыкшая к такой фамильярности, незаметно высвободила руку, достала исписанные листы и разложила их перед принцессой. Ли Тайпин удивлённо приподняла бровь:

— Зачем ты сама раскладываешь? Пусть служанки возьмут.

Вэй Хуань изо всех сил сдерживала улыбку, пытаясь вспомнить, как обычно выглядит безмятежная Цуй Мин-дэ, и, подражая ей, наконец мягко и нежно произнесла:

— Моё мастерство несовершенно, я боялась, что тебе не понравится, поэтому написала побольше. Выбери двадцать листов, которые сочтёшь хорошими.

Ли Тайпин снова рассмеялась. Вэй Хуань даже недоумевала, над чем она смеётся целыми днями — разве вокруг столько смешного? Принцесса сказала:

— Ты уже оказала мне огромную услугу, согласившись написать за меня. Как я могу

придираться? Все сто листов прекрасны, я возьму их все. Если сейчас не пригодятся, пригодятся в другой раз. Спасибо тебе. Ты помогла мне так сильно, что я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

«Странная она», — подумала Вэй Хуань, и в то же время ей смутно казалось, что так и должно быть. Но по крайней мере та заговорила о благодарности. Вэй Хуань и предложила помощь с письмом именно ради этого многообещающего «спасибо». Услышав слова принцессы, она тут же ответила:

— Мы же одноклассницы. Помочь с парой иероглифов — не такая уж большая услуга. Даже если бы я ничего не написала, разве ты отказала бы мне в помощи, если бы я тебя о чём-то попросила?

Эти слова она долго обдумывала и взвешивала, а произнося их, украдкой следила за Ли Тайпин, опасаясь малейшего недовольства — хотя, судя по тому, что Вэй Хуань знала об этой девушке, та вряд ли уловила бы скрытый смысл.

Однако Ли Тайпин, улыбаясь, сказала:

— Всеми своё место. Если бы ты не писала за меня, а мне понадобилась бы помощь, я бы помогла, если могла бы. Но если бы ты написала, а я не смогла бы помочь, то и не стала бы. Если тебе не по душе обычные подарки, а ты подарила мне сто листов с иероглифами, то я подарю тебе сто книг. Я заметила, что вам, кажется, нравятся книги из моей библиотеки, выбирай любые.

С этими словами она ещё раз сложила руки в благодарственном жесте и повторила:

— Большое спасибо.

Затем велела забрать листы и поспешно удалилась.

Вэй Хуань ещё некоторое время стояла, опустив руки, потом вернулась к столу, снова обмакнула кисть в тушь и принялась выводить иероглифы один за другим. На этот раз она писала за Вэй Синь, и стиль должен был быть не размашистым и свободным, а утончённым и изящным. Такой почерк был больше похож на её собственный, и писать им было привычнее. Но как только она вспоминала, для кого именно пишет, кисть в её руке словно наливалась свинцом. С трудом закончив один лист, она взглянула на него и, решив, что получилось плохо, уже собралась разорвать, но остановилась — она уже несколько ночей подряд писала, и пальцы едва держали кисть. Если теперь, как в случае с Ли Тайпин, она станет отбирать только лучшее, то вскоре руки распухнут, а это помешает её собственным занятиям. Если принцесса провалит проверку, ей максимум сделают безобидный выговор, но если провалится такая сопровождающая, как она, Вэй Хуань, то её, возможно, даже выгонят из дворца. Рисковать она не могла.

Вэй Хуань поколебалась и всё же положила этот лист к готовой стопке. Убрав его, она не сразу продолжила писать, а задумчиво уставилась в ту сторону, куда ушла Ли Тайпин. Эта девушка... неужели она на самом деле так глупа, как кажется со стороны? А её, Вэй Хуань, план сделать её своей опорой на пути вверх — действительно ли он осуществим?

Вэй Синь в последнее время вела себя странно. Когда она только прибыла во дворец, из-за своего происхождения она была робкой и застенчивой, при виде людей терялась и робела. Но за последние несколько дней она вдруг стала развязной: называла других «сёстрами», громко болтала и смеялась на уроках, да и к своим «кузинам» Цуй Мин-дэ и Цуй Шуньдэ стала

относиться совсем иначе. Она жила в одной комнате с Вэй Хуань, и поскольку перед въездом во дворец клан Цуй наставлял её, поначалу она относилась к Вэй Хуань тепло: делила с ней еду и кров, а ненужные вещи с показной щедростью отдавала ей. Однако в последнее время её обычная высокомерность и заносчивость вновь стали проявляться: она не только отгородила свою половину комнаты, но и запретила Вэй Хуань приближаться к ней, а иногда и вовсе беспричинно выходила из себя, подвергая Вэй Хуань резким выговорам. Вэй Синь в последние дни также часто уходила рано утром и возвращалась поздно вечером. Вэй Хуань училась очень усердно и обычно засиживалась за книгами далеко за полночь. Вэй Синь же, как правило, возвращалась уже после того, как Вэй Хуань гасила свет, а иногда та даже не знала, когда именно та вернулась. Дворцовая стража была строгой, и после наступления темноты не каждый мог свободно перемещаться по территории. Если Вэй Синь осмеливалась на такое, значит, за ней определённо стоял кто-то влиятельный.

Вэй Хуань сжала губы и, убедившись, что служанка Вэй Синь спит, поднялась, переделась и тихо вышла из комнаты.

Когда Вэй Синь уходила, она специально заметила направление — та направилась к покоям принцессы. Пройдя немного по главной дорожке, Вэй Хуань увидела среди цветов мелькающий огонёк — свет оставался на одном месте, значит, тот, кто держал фонарь, стоял неподвижно. Точно не стражник Цзиньфу.

Вэй Хуань на цыпочках подобралась поближе и разглядела, что держащий фонарь был одет как евнух. Судя по телосложению, он был не слишком стар, но лицо его скрывала тень, и узнать его было невозможно. Евнуху, видимо, наскучило стоять, он лениво зевнул и оглянулся назад. Вэй Хуань поняла, что он, вероятно, стоит на страже, пока какой-то важный гость находится внутри. Она прошла несколько шагов в том направлении, куда он смотрел, и вскоре услышала очень тихие голоса.

Судя по голосам, это были мужчина и женщина. Мужской голос был хриплым, словно утиное кряканье, перехваченное за горло:

— В этом году отец и мать не уехали из дворца на лето, иначе я бы отвёз тебя в дворец Хэцуй. Там пейзажи прекрасные, да и прохладно, не то что здесь — жара просто сводит с ума.

Женский голос был Вэй Хуань до боли знаком, но здесь он звучал с нарочитой, жеманной слащавостью, от которой её передёрнуло:

— Ты же князь Дай, тебя везде обмахивают веерами, да и во дворце есть лёд. Если даже тебе жарко, то что же говорить о нас?

Князь Дай что-то пробормотал, но Вэй Хуань не расслышала, только уловила, как Вэй Синь кокетливо буркнула: «Надоел», — и парочка, судя по звуку, обнялась, их одежды зашуршали. Вэй Хуань больше не хотела подслушивать. Бесшумно отступив и отойдя на несколько десятков шагов, она вдруг увидела вдали приближающийся золотой фонарь в форме лотоса. Вэй Хуань тут же склонилась и замерла в почтительной позе, ожидая, когда процессия поравняется с ней, и уже собиралась опуститься на колени, как вдруг из-за фонаря раздался голос:

— Это Вэй Сы? Почему ты ещё не спишь в такой поздний час?

Вэй Хуань вздрогнула, подняла голову и увидела, что на паланкине сидит не одна из императриц, а принцесса Чанлэ Тайпин. Мало того, что фонарь был императорским, золотым лотосом, так и сам паланкин был тем самым, малым паланкином с узором из цветов, на котором часто ездила Тяньхоу. Те, кто нёс фонари, были приёмным сыном Гао Яньфу и

служанкой, подававшей благовония самой Тяньхоу. Вэй Хуань внутренне ахнула от удивления, но внешне сохранила спокойствие:

— Немного жарко, не могла уснуть, вот и вышла прогуляться.

<http://bllate.org/book/16278/1466383>